

КОНСТАНТИН ТУМАНОВ

ЗАПАСНОЙ
ВЫХОД

Константин Туманов

Запасный выход

Текст книги предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/9462086>

Запасный выход. Роман: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-096935-7

Аннотация

<p>Военному фотографу Олегу Караулову становится известно о существовании портала, выходящего в глубокое прошлое. Наблюдающий в горячих точках планеты возрастающее напряжение в отношениях между Россией и США и уверенный в неизбежности глобальной войны, Олег решает: портал может стать запасным (то есть аварийным или экстренным) выходом для многих людей. Рассчитывать приходится только на свои силы и ресурсы. Но зато там Юго-Восточная Африка. Еще не открытые европейцами Трансвааль и Кимберли. В ходе разведки становится ясно, что на той стороне 1760 год. Ближится золотой век Российской империи. А с помощью новой, «африканской России», способной контролировать морские пути в Индию, можно привести Российскую империю в число по-настоящему великих держав.</p>

Содержание

Пролог	5
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Константин Туманов

Запасный выход

Роман

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

© Константин Туманов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Выбраться из ущелья оказалось не так-то просто. Слящисые, покрытые мхом и лишайниками каменные склоны выдавали весьма преклонный возраст местных гор. Подъем по большому счету не настолько и крут, чтобы по нему сложно стало взбираться. Тем более имея за плечами немалый опыт горных восхождений. Вот только густые заросли какого-то колючего кустарника настолько опутали все вокруг, что путь превращался в какой-то непрерывный подвиг. Кусты оказались высокими, практически по грудь, с маленькими темно-зелеными листьями и многочисленными меленькими колючками.

Дно ущелья и вовсе можно только нащупывать ногами среди этого зеленого моря, колышущегося под дуновением теплого, явно не осеннего ветерка. И запах... Такой неуловимо знакомый, что хотелось зарычать от невозможности его вспомнить. Разбросанные тут и там в хаотическом порядке большие и малые булыжники сразу превращали движение вниз по распадку в замысловатый акробатический номер с предсказуемым неприятным результатом. Идти пришлось вверх: видневшийся вдали гребень хребта, по крайней мере, таковым он казался снизу, прямо-таки манил чистыми от зловредной растительности скалами.

– М-да. Мечта мазохиста. И ведь придется лезть. Тут даже

нож не поможет, газонокосилка нужна. О, бензопила, точно. «Дружба» тут быстренько демократию бы навела, с плюрализмами. Всех под один гребешок уравнила бы...

Привычка мысленно разговаривать самому с собой у меня появилась еще с Афгана. Тогда пришлось почти неделю прятаться в полузаброшенном кяризе – древнем рукотворном русле подземного ручья. Одно хорошо – воды там было много. Даже слишком. Потом еще дней десять ночами выбираться почти по гребням горных хребтов, выше найденных местными «товарищами» тропинок, в населенные более-менее дружественными племенами места. Пусть страшно медленно, зато безопасно. Почти.

Нет, я, к счастью, не воевал в советские времена в составе ограниченного контингента. Для этого был слишком молод. Побывать там пришлось гораздо позже и даже дважды. К счастью, только та командировка выдалась настолько «интересной». Одни лишь воспоминания о ней заставляли организм непроизвольно передергиваться, будто единым духом грамм двести сивухи жахнул. Из развлечений все это время – только неслышные внутренние монологи. В основном матерные.

Даже единственный оставшийся к тому времени целым фотоаппарат превратился во временно бесполезный предмет. Возможности зарядить аккумуляторы к нему не представлялось уже удручающе давно. Правда, до того, чтобы болтать вслух, дело все же не дошло. К счастью, до маразма

пока далеко.

Мысленно поминая всеми известными мне нецензурными словами кусты, сквозь которые приходилось буквально продира́ть себе дорогу, и всех возможных родственников этой растительности по материнской линии, я принялся постепенно продвигаться вверх по склону. Здравомысленно рассудив, что захваченную с собой в это путешествие легкую куртку жалеть не стоит, все равно ее теперь только выкидывать, сосредоточился на движении. И на том, чтобы не цеплять ветки стволом предусмотрительно взятого у отца охотничьего карабина «Форт-205». Внешне практически неотличимый от настоящего армейского «калашника», он был почти привычен. Именно из «калаша» в армии в свое время и учился стрелять. Хотя, по возможности, старался в своих «путешествиях» по горячим точкам обходиться без применения стреляющих «игрушек». У меня другое оружие. «Убойность» у него временами похлеще огнестрельного.

Кофр с вполне современным полупрофессиональным «Никоном» и компактной японской видеокамерой висел за спиной, под рюкзаком, и в общем-то не мешал смотреть под ноги. Обидно было бы пропустить «живой» камень, готовый в самый неподходящий момент сдвинуться с места. Горы не любят невнимательных. И ошибок не прощают.

Через каждые несколько шагов приходилось на долю секунды замирать и окидывать боковым зрением окрестности. Привычка, вбитая в подкорку мозга несколькими приятеле-

лями из спецподразделений, с которыми время от времени приходилось пересекаться в командировках. Она уже пару раз спасала мне если не жизнь, то здоровье точно. Так что пренебрегать мерами безопасности я не собирался. Тем более находясь в одиночку в совершенно незнакомой местности. Бог его знает, какие неприятные сюрпризы могут таиться в этом, на первый взгляд идиллически мирном, пейзаже. Шаг. Еще шаг. Раздвинуть ветки, поднырнуть. Выпрямиться, оглядеться. Новый шаг. Беречь дыхание. Заречься курить. Шаг.

Спустя примерно час такого неторопливого подъема злобный кустарник начал понемногу редеть. Идти стало заметно проще, что не замедлило сказаться и на темпе. Несмотря даже на то, что крутизна склона стала понемногу увеличиваться. Вскоре заросли буйной темно-зеленой растительности и вовсе отступили, оставшись за спиной. Дальше было зеленое царство вольготно раскинувшихся на скалах мхов и лишайников самых разнообразных оттенков.

Судя по тому, как они крошились под подошвами тяжелых берцев, дождями эту местность погода давно не баловала. Как минимум пару недель, все же солнечная сторона подсыхает быстрее. Что тоже не могло не радовать: поскользнуться на напоенных водой естественных губках было бы проще простого. Растяжение, ушиб, или не дай Создатель, перелом – штуки, мягко говоря, не очень приятные. Проверено, к сожалению, на себе, любимом. Тем паче

что пришлось бы как-то возвращаться и отложить разведку этой местности на неопределенный, но явно продолжительный срок. Чего категорически не хотелось. Любопытство исследователя, эдакий зуд первопроходца, подстегивало не хуже кнута надсмотрщика на галере.

Впрочем, так было всегда. Именно это чувство, а также страстная жажда путешествий заставили много лет назад увлечься горным туризмом. А врожденная авантюристская жилка вкупе с увлечением фотографией определили выбор профессии, которую так и не одобрили родители. Государство, любое государство, тоже всегда относилось к таким, как я, мягко говоря, без всякого энтузиазма. Регулярные фоторепортажи стрингера, то есть независимого военного фотографа, Олега Караулова, из горячих точек по всему миру показывали неприглядные картины войны без прикрас и купюр, столь любимых чиновниками. Мои снимки чаще всего не требовали ни комментариев, ни подписей. Они весьма красноречиво говорили сами за себя. А готовность редакций ведущих газет и журналов платить вполне солидные гонорары позволила со временем обрести некую финансовую независимость. И подолгу отдыхать, приходя в себя после новой командировки на очередную никем не объявленную войну.

– Ага. Вот, похоже, и подъем заканчивается. А теперь, как говорит дядя Леня – приз в...

Фраза так и осталась незаконченной. Открывшееся за скалой зрелище оказалось настолько неожиданным, что я толь-

ко через несколько секунд осознал: тарашиться на открывшийся передо мной вид с открытым ртом, остолбенев с уже занесенной для шага ногой – занятие малопродуктивное.

– А вот и оно, ёперный театр, «дерево»... Точнее целые джунгли этих самых деревьев.

Часть 1

Чтобы вы жили в интересное время

Глава 1

Я лежал на любимом продавленном диване, задрал свои длинные ноги на спинку, и пролистывал очередную книгу. Выцветшая когда-то черная футболка с физиономией Курта Кобейна, синее трико самого затрапезного вида и китайские тапочки... Все вполне сочеталось со стареньким, выдавшим виды поцарапанным планшетом. Нет, конечно, можно приобрести себе в компьютерном салоне что-то поновее, мощнее и явно более красивое. Но привычка к старым, давно ставшим привычными вещам не оставляла обновкам ни одного шанса. Тем более, вернувшись недавно из очередной командировки, я не был настроен в ближайшее время покидать не только квартиру, но и, собственно, облюбованный диван.

С экрана плазменного телевизора, висевшего на стене напротив, что-то вещала очередная крашенная блондинка: шел выпуск новостей. Вот только что именно опять стряслось в безумном внешнем мире, для меня так и оставалось тайной –

звук был выключен. Но и тишины в комнате не наблюдалось. Мягко говоря. На столе, отблескивавшем прямо за диваном темным матовым лаком, стоял раскрытый ноутбук. Подсоединенные к нему мощные колонки исторгали рев тяжело-го рока, заставлявшего вибрировать даже штукатурку на потолке. Хрипели басы, но необходимость настройки проигрывателя меня нисколько не беспокоила. Музыка – всего лишь фон, который мозг едва ли вообще замечал.

Да и книга Лоис Буджолд, страницы которой регулярно мелькали на экране планшета, не могла претендовать на полное и безоговорочное внимание. Собственно, я и так прекрасно знал ее всю, до последней строчки, поскольку читал как минимум дюжину раз. И ничего странного в этом не видел. По моей собственной классификации, произведение принадлежало к «разряду» классики фантастического жанра. Я уже давно наслаждался не столько сюжетом, сколько слогом автора (и хорошего переводчика) и грандиозностью ее задумки, изяществом воплощения идеи. И то, что далеко не все разделяли мою любовь к этой книге, не делало ее менее интересной.

Ощущение покоя, практически nirваны, не прервал даже низкий звук сотового телефона. Виброрежим заставил аппарат немного поерзать по гладкой, полированной поверхности стола, но я даже руки к нему не протянул. Экран в последний раз подмигнул надписью «Имеются пропущенные звонки» и погас. Судя по настойчивости неизвестного абор-

нента, явно ненадолго. Телефон, выдавшая виды «Нokia» с широким экраном, был включен час назад и за столь короткое время уже трижды добивался внимания к себе. И это удивительно само по себе. По идее, никто вообще не должен знать, что я вернусь сегодня. Еще утром сам об этом не подозревал, и, если бы не подвернувшаяся оказия с транспортом, двери своей квартиры в пригороде Питера я открыл бы только завтра. Даже отцу, отставному военному, не сообщил о прибытии. Знал, что тут же последует приказ бросать все дела и приезжать. Противостоять напору бывшего полковника даже теперь, после его выхода на пенсию, было непросто.

От лениво текущих размышлений о личности несостоявшегося собеседника меня отвлек собственный организм. Недвусмысленно напомнивший: стоявшая возле дивана полулитровая кружка для чая опустела не сама по себе. Два раза. А если кому-то все же лень вставать, то водичка дырочку все одно найдет. Столь категоричное предупреждение проигнорировать оказалось уже никак невозможно, так что пришлось с кряхтением подниматься. Шевелиться лень было уже давно, и тело несколько затекло.

Посетив место для размышлений и выйдя на кухню, нажал кнопку включения на электрочайнике. Раз место в организме освободилось, его можно было наполнить снова. Мысли же приняли более упорядоченный вид и принялись виться вокруг так некстати появившегося вопроса – кто же все-таки звонил.

Расточая аромат настоящего, а потому крепкого чая, кружка снова устроилась на своем месте у дивана, прямо под правой рукой. Вновь засветился экран планшета, однако телефон решил-таки помешать насладиться чтением. Несколько раз пискнув сигналом приема sms-сообщения, он недвусмысленно подмигнул и снова погас.

– Выключить его, что ли? Достал уже, самка собаки, хуже горькой редьки. Хотя...

Сообщение обещало предоставить больше информации для размышления, чем пропущенные звонки неизвестного абонента, и аппарат все же оказался в руках. Привычными движениями я набрал пароль, и мои брови от удивления поползли вверх. Вопрос о том, как звонивший узнал о моем приезде домой, снят. Естественно, что в соседней квартире играющую на всю громкость музыку слышно хорошо. Если уж в наших «панельках» слышно, как соседи огурцами хрустят... Но вот помешать Виктору Викентьевичу Третьякову, живущему этажом выше уже не один десяток лет, она вряд ли могла.

Работавший когда-то в одном из закрытых НИИ пенсионер вообще редко выходил из дома, занимаясь своей любимой наукой. Вечно погруженный в размышления, старик мог не услышать собеседника, стоящего прямо напротив него, а не то что музыку через бетонные перекрытия. И, сколько я себя помнил, никогда не жаловался ни на какой шум, сколько бы децибел не исторгали колонки.

Зато пришлось ломать голову над новой загадкой: что понадобилось отставному физику. Нет, отношения у нас сложились нормальные. И в гостях у него много раз сиживал, поболтать о науке да чайку попить я любитель. Да и само общение с Виктором Викентьевичем было делом интересным. Практически энциклопедические знания делали его весьма и весьма незаурядным собеседником. Одно в этой ситуации было плохо. Проигнорировать сообщение было нельзя, очень уж не хотелось обижать старика. И сделать вид, что никого нет дома – тоже не получится: Кипелов во всю мощь динамиков орал песню, теперь о леснике.

Бросив полный сожаления взгляд на исходящую паром кружку с любимым чаем, я принялся переодеваться. Потертые домашние джинсы, приличного вида футболка, новые носки – явно придется разуваться. Из-за минутного разговора старый ученый не добивался бы встречи так настойчиво. Можно, конечно, пойти и в чем был, тут-то подняться всего на один этаж. Но этого человека я уважал, и появляться перед ним в любимых, но застиранных «трениках» как-то не хотелось.

Недолгий подъем по лестнице закончился перед явно недавно окрашенной в утилитарный коричневый цвет, но старой, еще советской, дверью. Нажав на пластмассовую кнопку звонка, я приготовился к долгому ожиданию – пенсионер передвигался не то чтобы с трудом, но и не быстро. Однако не на сей раз. Хозяин квартиры, казалось, стоял пря-

мо за дверью – настолько быстро он ее распахнул.

– А, Олежек, заходи, заходи. Небось, от чая тебя оторвал?

– Все-то вы знаете, Виктор Викентьевич, – я приветливо улыбнулся и прошел в квартиру, повинувшись жесту хозяина.

– И когда приехал и что делаю, все известно.

– Трудно не догадаться, что ты уже дома. Рев того, что вы, молодежь, называете музыкой, половина подъезда слышит. А про чай и гадать не нужно. Ты его в таких количествах поглощаешь, что мне, старику, страшно становится. И твою «сиротскую» кружечку я тоже видел, так что Нострадамус тут совсем не нужен. Пойдем на кухню, чем-то новеньким порадую. Знакомого в Китае хорошие люди угостили, он и поделился чуть-чуть. Ты такое вряд ли пробовал. Ну и поговорим заодно.

В маленькой кухоньке, не больше шести «квадратов», как всегда чисто и опрятно, хотя я знал точно – женщин в этом доме нет уже лет десять. С тех пор как старый ученый овдовел. Сам же я имел исконно холостяцкую привычку – мыть посуду перед едой, а не после. Но аккуратистов всегда уважал как человек, сам к такому подвигу заведомо не способный.

Усевшись на свое излюбленное с юности место – между холодильником и столом, – я с удовольствием начал наблюдать за священнодействием приготовления чая. Праздной болтовни, по нашему общему мнению, эта процедура не терпела, так что в помещении на несколько минут установи-

лась тишина, прерываемая лишь тонким звяканьем фарфоровой посуды и сиплым дыханием хозяина квартиры.

Вскоре по дому поплыл аромат свежесваренного чая, и явно не того, что продается в магазине за углом. Несколько минут мы оба наслаждались напитком, а потом пенсионер решительно отставил чашку и откинулся на спинку обитого кожей стула.

– Все еще читаешь фантастику?

Удивленный столь необычным началом разговора, я лишь молча кивнул.

– Тогда эта история как раз для тебя. В том смысле, что тебе будет легче воспринять такую информацию. Ты готов услышать нечто, что вполне может перевернуть представление о мире?

– Прекращайте уже интриговать, Виктор Викентьевич, – я заинтересованно уставился на него и оперся спиной о тихонько вибрирующий холодильник, баюкая в руках чашку с ароматным напитком.

– От вас я готов услышать все что угодно. Как раз вы любовью к фантастическим историям не отличаетесь.

Старик неожиданно молодо ухмыльнулся, подмигнул и тоже взял в руки чай.

– Только об этом разговоре, я тебя прошу, пока никому не говори. Ни о его сути, ни о том, что он вообще состоялся. Договорились?

– Вы же знаете, – я неопределенно пожал плечами, – в

излишней болтливости я пока замечен не был.

– Так то замечен, – подколот собеседник, и мы негромко рассмеялись старой как мир шутке.

– В последние годы перед развалом Союза, – старый физик вновь стал серьезен, – наш отдел в институте занимался так называемыми спонтанными волновыми проявлениями. Проще говоря, в некоторых местах на Земле приборы фиксировали некие электромагнитные аномалии. Я говорю некие, потому что исследованы они тогда толком так и не были. Встречались крайне редко, мы знали лишь о трех таких местах на территории Советского Союза, причем два из них – в труднодоступной местности. На Крайнем Севере и на Памире, высоко в горах Таджикистана. Да и засечь их не так-то легко. Возникали эти явления, назовем их так, лишь эпизодически, нерегулярно. И для засечки нашей аппаратурой необходимо было оказаться не только в определенном месте, но и в нужный момент. Сам понимаешь, что подобные совпадения как минимум редки.

– Да и ресурсов в отделе имелось не так чтобы и богато, – немного помолчав, продолжил он рассказ. – Мы же не могли предъявить руководству института что-то общественно или научно полезное, какой-то «выхлоп» от исследований. Вот и вели их больше вопреки системе, только по бюрократической инерции, финансировавшей проект, чем благодаря ей. А потом всем и вовсе стало не до того. Институт быстро развалили, сотрудников разогнали, здания привати-

зировали. Очередной торговый центр построили. Кто-то, как я, ушел на пенсию. Некоторые подались в предприниматели. Да везде так было, сам знаешь. Сам видел человека, закончившего кроме новосибирского политехнического «плетхановку» в Москве. Трусами женскими на рынке торговал.

Я задумчиво кивнул и отхлебнул чая. Чем занимался Виктор Викентьевич, в подробностях до сего дня слышать не доводилось. Не то чтобы эта тема считалась все эти годы запретной, просто на нее негласно было наложено некое табу. А потому разговор становился уже как минимум интересным.

– Так вот. Только три человека из нашего отдела продолжили заниматься разработкой этой темы на голом энтузиазме. В свободное, так сказать, время. И двое из нас тогда осели не здесь, а в Горно-Алтайске, именно по той причине, что там находится самая легкодоступная из известных нам волновых аномалий. Ну, не прямо в самом городе, но относительно недалеко, на территории нынешнего Каракольского природного парка «Уч-Энмек». Двое, в том числе и я, вели больше теоретическую работу.

– Мне выпало работать поближе к «цивилизации», все-таки там небольшой городок, а не научный центр. А Игорь Обойников осуществлял непосредственный съем информации на месте. Третий же наш товарищ, Александр Ивакин, в начале 2000-х годов, когда, собственно, и образовался парк, устроился туда лесником. Он работал с измерительной и

контрольной аппаратурой, которую мы установили на месте. Сам понимаешь, у него был свободный доступ в место проведения исследований, а также возможность ограничить таковой у всех праздношатающихся по лесам. Сейчас там работает его сын: Сан Саныч умер с год назад. Понятно, что работа продвигалась черепашьими темпами и велась, по сути дела, из чистого упрямства.

Третьяков на несколько секунд прервал свое повествование, хрипло переводя дух и отхлебывая чай.

– Так вот. Существовало множество гипотез, так или иначе объясняющих электромагнитные процессы, что мы наблюдали. И как и большинство научных предположений вообще, – старик усмехнулся явно своим мыслям, – все они базировались больше на догадках, чем на фактах. У нас имелись наши записи, данные о характере изредка регистрируемых в этом месте излучений. Но вот точного понимания того, что же там в конце концов происходит, так и не пришло. Помогла чистая случайность. Сын Саныча, Егор, как-то в очередной раз поехал осматривать аппаратуру. Он тогда уже был лесником, частенько подменяя у приборов ушедшего на пенсию отца. И, как нередко это бывало, по приезде обнаружил, что один узел не работает.

Рассказывая, старик все время делал паузы – годы сказывались, и одышка его мучила все больше и больше не только на подъездной лестнице, но и во время долгого разговора.

– Все наше оборудование, по сути, было собрано на ко-

ленке из тех запчастей, что мы смогли достать. Купить, выпросить у знакомых радиоэлектронщиков или, уж извини за откровенность, украсть при увольнении из института. Сама идея этих исследований интересовала Егора мало, пользы никакой он не видел, однако отцу и двум его друзьям отказать не мог. Вот и мотался изредка, проверяя абсолютно не нужную ему технику. Он и стал, можно сказать, первооткрывателем.

Виктор Викентьевич неожиданно пронзительным взглядом посмотрел мне прямо в глаза:

– Если бы то, что мы там открыли, стало достоянием так называемой широкой общественности, мне бы, наверное, и Нобелевской премии не пожалели. А Россия как страна перестала бы существовать очень быстро. Сам помнишь, как еще десяток лет назад мы даже не продавали, а просто сдавали американцам все, что было можно. И что нельзя – тоже. Да и сейчас этот процесс замедлился просто потому, что продавать стало нечего – все, что есть, уже давно чье-то. Ради такого лакомого куска нас бы смяли полностью. Поэтому мы молчали. И продолжали свои исследования.

– И что же он там обнаружил, неужто древний клад или летающую тарелку? – Несмотря на полушутливый тон, я мысленно подобрался, понимая, что собеседник вплотную подошел к самой важной части разговора.

– Приехал Егор на место в расстроенных чувствах, дома что-то не ладилось. И, вытащив сгоревший блок, в сердцах

изо всех сил запустил им в сторону опушки леса. Тот пролетел метров десять и... исчез. Просто растворился в воздухе, словно его никогда и не было. Егор настолько опешил от увиденного, что на несколько минут просто обалдел. Это его собственные слова.

– Затем мозги снова включились в работу. Бежать сломя голову искать пропажу он, вот молодец, не стал. Вместо этого принялся швырять в ту же сторону всякий лесной мусор: сучья, прошлогодние сосновые шишки. Результат оказался тот же самый. Причем «проем», в котором предметы исчезали, оказался невелик, около пяти-шести метров в ширину и примерно столько же в высоту. Егор тщательно отметил место, где стоял сам, и границы аномальной зоны. Просто шишек по краям горкой набросал. И только потом помчался за мной.

– Я тогда как раз приезжал в Горно-Алтайск, забирать у Обойникова его записи. Наш с Санычем товарищ уже от дел отошел, да и соображал в своем преклонном возрасте уже намного хуже, чем раньше. Так что решение Егорки было естественным, но уже несколько запоздалым. К тому времени, как мы добрались туда уже вдвоем, «проем» закрылся. Предметы спокойно пролетали там, где каких-нибудь пару-тройку часов назад бесследно исчезали. Остались только отметки Егора. И та старательность, с которой они были сделаны, уверили меня в одном: что-то здесь все-таки происходило.

– Отремонтированные приборы аномальной активности

не выявили. Оставалось только ждать ее нового «включения». Они не были регулярными, и предсказать, когда окно откроется в следующий раз, мы не могли. Снял я квартиру, знакомые спаяли блок передачи данных, вдвоем с Егором поставили передающую антенну. Теперь я имел возможность наблюдать за состоянием аномальной зоны из дома, через компьютер.

Старый ученый с кряхтением поднялся и на несколько минут вышел из комнаты. Вернулся он, неся в руках вполне современного вида черный ноутбук.

– Вот, смотри. С помощью этой специальной SCADA-программы я теперь имею возможность наблюдать за тем местом, не выходя из собственной квартиры. Хоть из Горно-Алтайска, хоть из Питера – через Интернет. Обошлась она мне недешево, но дело того стоило.

На экране виднелись изображения по меньшей мере десятка разнообразных датчиков и приборов. Но что именно они измеряют, мое гуманитарное образование понять не позволяло. В любом случае безжизненными они не выглядели совершенно. Стрелки едва заметно колебались, отображались разноцветные графики, чуть подрагивали колонками диаграммы.

– Следующий раз аномалия «оживила» лишь через два месяца, уже зимой. Слава богу, снега выпало не так уж и много. Добраться до заветного ущелья и опушки большой поляны в его «устье» удалось достаточно быстро. Выставленные нами

в прошлый раз шесты, как раз по меткам Егора, стояли там, где мы их оставили, а снежки вполне заменили шишки.

Тут Виктор Викентьевич усмехнулся.

– Все было так, как рассказывал сын моего старого приятеля. В «проеме» бесследно исчезало все, что мы туда забрасывали. Видно оказалось даже лучше, чем осенью – девственная снежная целина сразу за «проемом» оставалась нетронутой, каких бы размеров предметы в ту сторону ни летели. Причем длинный сосновый хлыст, просунутый нами в аномалию, укорачивался прямо на глазах. А когда мы его вытащили – оказался той же длины, что и изначально. Следовательно, мы просто по какой-то причине его не видели. А потом мы сделали то, к чему я готовился все это время. На том же сосновом шесте просунули прямо внутрь проема видеокамеру. Когда через несколько минут вытянули ее обратно, она еще работала. А на записи... В общем, сейчас я тебе ее включу и ты сам увидишь все собственными глазами.

Быстро найдя на ноутбуке нужную директорию, Третьяков включил воспроизведение видеофайла. На экране появилось изображение зимнего, поросшего лесом ущелья. Явно наступал вечер, тени от деревьев сделались длинными и неровными. Изображение сначала немного дергалось, выдавая волнение оператора, но затем стабилизировалось и неспешно поползло вперед. Очевидно, в этот момент шест с камерой придвигали к пресловутому «проему». И вдруг экран ноутбука озарил яркий свет.

Камере потребовалось около двух секунд, чтобы приспособиться к новой освещенности. Вовсю светило совершенно не зимнее солнце. Да и снега не было в помине. Вместо леса ветерок прямо перед объективом плавно покачивал ветви и листья каких-то темно-зеленых кустов. Высоко в небе, широко раскинув неподвижные крылья, парила какая-то незнакомая птица. Тут камера поползла обратно, и на экране вновь внезапно возникли запорошенные снегом сосны.

Несколько минут я бездумно смотрел в погасший экран, машинально прихлебывая уже успевший остыть чай. Затем встряхнулся, снова обрел некоторую ясность мышления и внимательно посмотрел на Третьякова. Во мне проснулся стрингер-репортер. Как гончая, уловившая принесенный порывом ветра запах добычи.

– Так что же это было? И удалось ли сделать еще записи происходящего там, – я замаялся, пытаюсь подобрать подходящее слово, – за этим «проемом»?

Несмотря на подчеркнутую маску профессиональной невозмутимости, появившуюся на лице, старый ученый явно отчетливо видел потрясение, перенесенное мной во время просмотра записи. Как и то, что в глубине моих глаз отчетливо зажегся тот самый огонек авантюриста и искателя приключений, из-за которого он, скорее всего, и затеял этот разговор. Что и сказать, знал старик меня как облупленного. Наверное, именно в этот момент Третьяков окончатель-

но убедился в правильности выбора. Я был именно тем человеком, который бы стал его глазами, ушами и руками при исследовании Тайны. Именно так, с большой буквы.

Ему явно хотелось самому сделать тот самый шаг в неизвестность, открыть все секреты, которые пока хранятся за невидимым глазом пологом «проема». Все это «читалось» по нему, как в открытой книге для первоклассников – большими и ясно различимыми буквами.

– Ты, мальчик, родился слишком поздно. Таким цены не было лет триста-четырееста назад, среди первопроходцев и первооткрывателей. И... Да, мы сделали еще записи при следующих возникновениях аномалии. Но в них нет ничего особенно интересного. То же ущелье в разное время суток. Если ты обратил внимание, оно довольно узкое и имеет крутые и высокие склоны. С этой точки многого не увидишь. Что же касается твоего вопроса: «Что это было?», то мой ответ – не знаю. Другое время или параллельная реальность – выбирай объяснение себе по вкусу. Писатели-фантасты придумали их кучу. Но, судя по растительности за «проемом», это какой-то из вариантов нашего мира. По крайней мере, я так думаю. Дело в том, что кусты эти – вполне себе земные. И звездное небо нам снять получилось – отчетливо виден Южный крест.

– Южный крест? Так что же это получается – с той стороны или Южная Америка или...

– Или. Это Африка. Точнее граница между Мозамбиком и Свазилендом. Неподалеку от нынешнего города Мапуту.

Вот только в том, что эта граница там уже есть – я сильно сомневаюсь. Да и расчеты координат, как вы любите говорить, «несколько напрягают».

Заметив мой вопросительный взгляд, собеседник чуть заметно пожал плечами:

– Линию горизонта из ущелья не видно, а без этого все расчеты дают сильную погрешность. Сейчас я уверен только в одном: место за «проемом» – северные или северо-восточные отроги Драконовых гор. Других там и нет. А вот где именно... Так что придется определять еще и это.

– Получается другое время? Может, там и динозавры где-то бродят?

– Ну, с динозаврами ты погорячился. Судя по растительности, там достаточно современное нам время. Кустарник этот, как я выяснил, называется «протей». Растение экзотическое, но вполне земное. И встречается как раз в юго-восточной Африке. А птица на видео – орел-бородач, как сказал мне один зоолог. Да и расхождений в расположении звезд с нашим небом знакомый астроном-любитель, к которому я обращался за консультацией, не нашел. А вот если бы за «проемом» был какой-нибудь третичный или меловой период – они бы, расхождения эти, обнаружили обязательно. Все гораздо проще – сканирование не выявило ни одного радиосигнала. Вообще. Так что эпоха радио там еще не наступила. Счетчик Гейгера показывает нормальный фон, даже ниже нынешнего.

– Ну что ж, – я демонстративно потянулся к затылку в исконно русском жесте, – динозавров нет уже, радио еще. Уже какая-то определенность вырисовывается, вам не кажется, Виктор Викентьевич?

– Определенность будет тогда, когда кто-то пройдет пару-тройку десятков километров и посмотрит внимательно с какой-нибудь горы по окрестностям с помощью х-а-ррр-ошего бинокля.

– И что же этот кто-то увидит?

– Вот это уже вопрос, как говорится, на засыпку. Может ничего не увидеть. И это будет означать период времени от твоих любимых динозавров до примерно 1500 года от Рождества Христова. Или может увидеть какой-нибудь убогий форт с сотней-двумя поселенцев. А скорее, даже меньше. Значит, Васко да Гама уже прибыл, но это пока не колония, а так, пункт заправки питьевой водой для португальских кораблей, которые и приходят-то в лучшем случае раз-два в год. А может, на берегу большого залива, кстати говоря, одной из лучших гаваней Индийского океана, уже расположился приличный форт с европейского вида городком. Это уже вторая половина XVIII века, даже ближе к концу. Ну, и дальше по нарастающей, до начала века двадцатого.

– И никто так и не попытался пройти на ту сторону и самолично убедиться: на какой же все-таки стадии строительства находится тот самый форт?

– Сам видишь, я старик, – уклонился от прямого ответа

Виктор Викентьевич, – я по квартире-то еле-еле шкандыбаю. В «проем» я выходил, но чтобы двигаться дальше, нужны сила и молодость. Ну, или тяжелая строительная техника для прокладки дорог и автотранспорт. Ничего этого, сам понимаешь, у меня нет. Ни молодости, ни техники. А Егор... Трое детей, больная жена, пивной живот. И он боится. Такие как он во все времена сидели дома. Я не хочу сказать что-нибудь плохое, но приключения – не для него.

– А периодичность? Как часто возникает эта самая аномалия? Не хотелось бы все-таки ждать месяцами...

– Хочешь попробовать?

– Можно подумать, вы не для того мне рассказываете, – я криво ухмыльнулся, глядя прямо в глаза собеседнику, – чтобы я «попробовал»...

– Ты прав, – усмехнулся в свою очередь Третьяков. – Надо же, какая догадливая у нас молодежь пошла...

Мы снова негромко рассмеялись, как будто услышали свежий анекдот. Негласное соглашение было заключено. Никто не собирался составлять договоры, расписывать права и обязанности сторон или еще каким-нибудь способом фиксировать это на словах или бумаге.

– А не заварить ли нам еще чайку. На этот раз краснодарского, твоего любимого. Мне, правда, сильно крепкий нельзя. Но, как удачно сказал Штирлиц: если нельзя, но очень хочется, то можно. Хотя бы иногда. И не нужно мне говорить, что он только повторял чужие слова, – пожилой уче-

ный предостерегающе поднял палец, заметив мой открывающийся рот. – Сам знаю.

Я лишь молча кивнул и принялся снова наблюдать на «чайной церемонией». Терпеливо дождавшись, пока старик нальет чай в чашки, вопросительно поднял брови.

– Периодичность тебе абсолютно не важна, – Виктор Викентьевич хитровато прищурился, нарочито громко, по-мужички, отхлебнул чаю и откинулся на спинку стула. Так и не дождавшись нетерпеливого вопроса «Почему», он одобритительно кивнул моему терпению и продолжил:

– А все потому, что за последний год я сильно продвинулся в своих исследованиях. Настолько, что... могу теперь сам открывать «проем».

Снисходительно посмотрев на ошарашенного меня, он, наконец, соизволил дать объяснения.

– Технические подробности сложны, и по большому счету тебе не интересны. В сильно упрощенном виде это выглядит так: если искусственно воссоздать то самое электромагнитное излучение, которое испускает активизировавшаяся аномалия, то «проем» открывается. И действует до тех пор, пока излучение не прекратится. Проверено опытным путем. Правда, для этого, – тут ученый вздохнул, – пришлось отогнать на Алтай и изуродовать мой старенький «уазик». Аппаратура вышла громоздкой и занимает всю заднюю часть машины, включая пассажирские сиденья.

– То есть пока этот ваш... излучатель работает, проход

открыт в обе стороны?

– Именно, мой мальчик, именно. Правда, есть некоторые ограничения. Видишь ли, доступа к современным материалам и комплектующим у меня нет. К великому моему сожалению. Впрочем, нет и опыта работы с такими миниатюрными схемами.

Даже Саныч этого не умел. Поэтому «волновой генератор» получился весьма несовершенным: попросту говоря, во время работы он постепенно теряет синхронность с волновым потоком самой аномалии. Когда разница достигает критической отметки, следует аварийное схлопывание проема, и аппаратуру следует настраивать заново.

– Так что больше чем на шесть часов непрерывной работы не рассчитывай, – помолчав несколько секунд, добавил он.

– Причем, чем дольше излучатель работает, тем больше времени требуется на последующую калибровку. И я не думаю, что кому-то захочется сидеть на той стороне и гадать, смогут ли его вернуть обратно и когда.

Я равнодушно кивнул на тактично-расплывчатое «кому-то». Ежику понятно, что речь идет про меня, но как раз этот аспект перехода волновал меньше всего. Когда необходимо, я мог часами, а то и днями дожидаться нужного кадра или ракурса. Специфика профессии, знаете ли. Так что проблем здесь не видел никаких.

– С шишками понятно. А живую материю перемещать пробовали или со всем пылом исследователя ринулись впе-

ред, в неизвестное?

– Естественно. Без этого я бы и не предлагал принять участие в эксперименте. Были и мыши и собаки. Все перешли «туда» и вернулись «обратно» в добром здравии. Потом мы довольно долго наблюдали за нашими «Белками» и «Стрелками», но никаких патологий так и не выявили. Собачки, кстати говоря, и поныне здравствуют. Я, как ты видишь, тоже пока еще на этом свете. Остальные подробности тебе придется узнавать на собственном опыте. Если, конечно же, ты решишься сделать шаг за грань мира.

– Вы можете «скинуть» видеозаписи на мою флеш-карту? Понятно, что демонстрировать их никому не стоит, но я хочу дома тщательно просмотреть сам, когда вся эта история немного уляжется в голове.

– Разумеется. Неси флешку, я тебе запишу всю информацию. И мои географические изыскания тоже. Будет о чем подумать на досуге.

Как выяснилось много позже, ученый прекрасно понимал, что для него эта дорога закрыта. Эксперименты показали наглядно – встряска организма во время перехода может оказаться для него, старого и больного человека, смертельной. И после одного-то раза отлеживался три дня. Злокачественная опухоль, обнаруженная врачами в голове, поставила крест и на его исследованиях и на его жизни. И оставшийся срок, озвученный медиками в прошлом году, неумолимо истекал. Об этом он собирался сказать только перед самым перехо-

дом. Как и о том, что Сан Саныч тоже пробовал проходить на «ту» сторону. Он умер после третьего перехода, как раз когда собирался отойти подальше от «проема». Благо о необходимости страховочной веревки они догадались. Так что Третьяков смог вытащить старого приятеля и отвезти в больницу, но было уже поздно. Инфаркт, как оказалось, тоже третий. Но тогда всего этого я еще не знал.

Глава 2

В поезде я оказался спустя трое суток после разговора с Третьяковым. Очень насыщенных суток. Нет, решение о проведении разведки я принял еще там, в гостях у старика. Время отняла подготовка. От отца унаследовав привычку по возможности все планировать заранее, носился по Питеру как в зад укушенный. Уточнял все новые вопросы у знакомых в самых разных сферах.

Одно из дел, которые нельзя отложить на потом – вакцинация. Подхватить какую-нибудь дрянь не хотелось. Хорошо, после прошлогодней поездки в Ливию весь впечатляющий набор уколов мне был уже не нужен. Однако от обоих гепатитов и дифтерии-столбняка прививаться пришлось. Заодно приобрел в свою аптечку все необходимые препараты в запас. В ближайшее время число первопроходцев, тьфу-тьфу, нужно будет срочно увеличивать. А удастся ли приобрести в Горно-Алтайске все необходимое, пока неизвестно. Заодно и таблетки от малярии купил в той же аптеке. Обеззараживать воду придется только кипячением и спиртом, но «сок пшеничный без мякоти» можно и на месте найти без труда.

В дороге попытался обдумать всю информацию, что смогли предоставить Интернет и Третьяков. Ноутбук работал до тех пор, пока полностью не «сожрал» два аккумулятора, по-

сле чего пришлось подключаться к вагонной сети. Впрочем, размышлять – энергии не нужно, только чай. Желательно хороший. Неудобство представляла пересадка на поезд до Бийска – ближайшей железнодорожной станции к Горно-Алтайску. Черт, неудобно-то как! Но ничего не поделаешь.

По всей видимости, придется на какое-то время перебраться в этот алтайский городок: совершать вылазки на разведку «запроемного» пространства было удобнее отсюда. Летел бы самолетом, мог себе позволить, но... Оказалось, тоже с пересадкой. Прямого рейса из Питера до Барнаула, ближайшего аэропорта, не существовало в природе. А пересадка в столице нашей Родины меня не устраивала. По части удобства никакого выигрыша в итоге не получалось, а время можно было не экономить, торопиться некуда. Продираться же через всю Москву, из аэропорта в аэропорт, бр-р-р. Тем более, хе-хе, имея в запасе несколько сотен лет. Шаг, и ты в далеком прошлом. Второй – в настоящем.

Еще один довод в пользу наземного транспорта – оружие. Конечно, оно и разряжено, и завернуто, и отдельно от патронов. Но в аэропорту его пришлось бы сдавать, получать, и все через нашу родимую российскую бюрократию. В купейном вагоне же все гораздо проще, разрешено и в чемодане везти. Да и невелика вероятность, что проверят багаж. Все-таки – границ не пересекать.

В Бийске я собирался немного задержаться. Достаточно большой город, целых двести тысяч населения, и здесь мож-

но сделать все необходимые покупки, включая автомобиль. Гнать сюда по нашим дорогам свой миниатюрный питерский «гольфик», предназначенный для пробок мегаполиса, смысла не видел. Очень уж далеко для исключительно городской машинки. Здесь же лучше всего купить подержанный, но в хорошем состоянии «уазик», для проселков горно-лесного природного парка. А, возможно, и для «той» стороны. Будет не нужен – продам, пусть и немного потеряю в деньгах. Накопления, сделанные за последние годы, позволяли пока финансировать мою задумку. Но, надеюсь, этого делать не придется. И вот почему.

Виктор Викентьевич не стал заострять мое внимание на вопросе географии той стороны. То ли по своей ученой рассеянности не придал значения, то ли нарочно промолчал. А я сопоставил факты уже дома, когда просматривал информацию на своем ноутбуке. По одну сторону от Свазиленда, на возможную близость которого указал Третьяков, были Мозамбик и Индийский океан. А по другую – ТРАНСВААЛЬ. Вот его необъятным золотым запасам и предстоит, надеюсь, профинансировать весь проект.

А план выкристаллизовывался грандиозный – создать на той стороне своеобразную колонию. Все больше разгорался на планете мировой пожар сливающихся друг с другом локальных конфликтов. Вновь началось противостояние США, вкуче с их сателлитами, и России. Стремительно набирающий экономическую мощь Китай, ведущий пол-

зучую экспансию на Дальнем Востоке... Все это не придавало здравомыслящему человеку ни капли оптимизма. Безбожно расходуя ресурсы планеты на наркоманию бытового потребления, транснациональные корпорации все больше и больше нуждаются в перераспределении тех природных богатств, что еще остались в чужих закромах. В свою, понятно, пользу. Вон, какая грызня за Арктику началась. Да и вопли: «Богатства Сибири должны принадлежать всему мировому сообществу» тоже слышны время от времени.

«Подсаженный» на эту иглу западный обыватель, с приплясыванием от нетерпения ожидающий выпуска очередного «Айфона», еще и рукоплескать будет. До тех пор, пока и к нему «в гости» не заглянет какая-нибудь «Сатана». Не понимая своими промытыми телевидением мозгами, что ресурсы у планеты далеко не бесконечны. Все относительно легкодоступное уже давно кончилось. А население Земли растет угрожающими темпами. И всех этих новых людей нужно обеспечить новыми игрушками.

«Проем» представлялся мне альтернативой просмотру этого предстоящего апокалипсического фильма ужасов. Над ним прямо-таки напрашивалась надпись, виденная мною еще в детстве, в автобусах советского автопрома: «Запасный выход». И я собирался им воспользоваться, забрав всех, кто мне дорог. И еще много-много других людей. Главное – не отдать ключик от этих ворот тем самым гребущим все под себя бюрократам, уже один раз распродавшим страну оптом

и в розницу. Но над этим еще предстояло крепко подумать: шанса на еще одну попытку просто не предоставится.

Одним из наиболее животрепещущих вопросов оказался картографический. Той самой местности, в которую я так самонадеянно собирался шагнуть. Весь туристский опыт, подкрепленный постоянными командировками по миру, восставал против легкомысленного отношения ко всей затее. Например, к возможности оказаться в дикой Африке без привязки к местности: идея искать потом «проем» до морковкиного заговенья продуктивной не представлялась ни в малейшей степени. GPS-навигатор, к возможностям которого уже привык за последние годы, без спутников над головой просто инструмент для забивания колышков к палатке. Ни на что другое он уже не годится. Так что придется по старинке – с отпечатанными на бумаге топографическими картами и рисованными от руки кроками.

И тут снова выручил Интернет. Поскольку приобрести в свободной продаже подробные карты Восточной Африки не смог – нет спроса, нет и предложения – пришлось обратиться с этим вопросом к Всемирной паутине. Естественно, искомое там нашлось. Вот только за достоверность данных я бы не сильно поручился. Так что пришлось в дороге внимательно изучать электронный вариант на экране ноутбука. Благо, лежа на верхней полке в своем купе, никому не мешал, и любопытство не провоцировал. Бумажные варианты заламинированы, и уже расположились в предназначенном как раз для

таких целей кармашке проверенного походного рюкзака.

В Бийске необходимо пробежаться еще и по охотничьим магазинам. Под открытым небом мне предстоит провести не одну ночь. А это означает: нужно озаботиться палаткой, спальным мешком, противомоскитной сеткой и еще сто одной необходимой мелочью. Самому мне в джунглях бывать не приходилось, но наслышан был, наслышан. Ничего хорошего неопиту знатоки не обещали. Да и опытному путешественнику тоже. Одежда походно-охотничья была своя, многократно испытанная и разношенная в вылазках на природу, так что хоть здесь ничего искать не нужно. В новой, не обмятой и не обношенной, все-таки в такие «походы» лучше не отправляться. Мое же старое походное снаряжение за последние годы как-то расплзлось по друзьям, приятелям и просто знакомым. Собрать все это быстро было делом заведомо несбыточным. Не стал даже и пытаться.

Новый железнодорожный вокзал в Бийске приятно порадовал нарядным, прямо-таки пряничным, фасадом и вполне себе современным внутренним дизайном. Немало поколесив по российской, да и не только, глубинке, давно привык: даже если снаружи подмазано краской, то только лицевая сторона. Начальству издали показывать. Да и сам город показался мне весьма симпатичным. И дело тут не только в предвкушении большого дела и хорошем оттого настроении. Осень здесь еще не успела позолотить все листья, да и деревьев хвойных пород в округе оказалось высажено нема-

ло. А зелененькие елочки-сосенки осенью всегда оживляют пейзаж. По крайней мере, для меня.

На вокзале у главного выхода в город толпились таксисты. Махнул рукой ближайшему, белобрысому крепышу с сигаретой в зубах, и через минуту уже усаживался в выдавший виды синий «Пассат».

– На авторынок.

– Это тот, что на Сенной?

– Точняк, – я в поезде успел внимательно проштудировать в Интернете электронную карту города и теперь точно знал, куда именно нужно ехать.

– А что, машина нужна? – водитель залихватски вырулил с привокзальной площади и влился в поток транспорта с истинно таксистским презрением к правилам дорожного движения. Да еще и попутно подрезав обшарпанную грузопассажирскую «Газель» с какой-то рекламой на борту.

– Да вот, хочу «УАЗа» прикупить. Ездить предстоит много, да все больше по проселкам. Лучше бы, конечно, танк. По нашим-то дорогам... Но где ж его взять-то?

– Да уж, у нас только на танке и ездить, – таксёр хохотнул, – чуть за городскую черту выберешься. Или лучше вообще судно на воздушной подушке, как у нас на флоте были. Такая машинка везде пройдет. Вещь.

– Это какое же у вас тут на Алтае море, что для него флот потребен? – несколько ехидно поинтересовался я. Не столько для того, чтобы подколоть водителя, сколько для поддер-

жания разговора. Морячки – народ авантюрный по своей сути и нужный везде, где только есть вода. У меня же, если Виктор Викентьевич ничего не напутал, под боком имелся целый океан. Глядишь, и пригодится знакомство-то...

– Срочную я на ТОФе тянул, механиком на сторожевом корабле «Разумный». На Камчатке тогда стояли. Ох, и красивейшие же там места! Нигде больше таких не видел. И природа еще не «засиженная» человеком, дикая, настоящая. Сопки, гейзеры, вулканы... А море там какое... Эх, тебе все равно не понять. Здесь, конечно, есть реки довольно красивые, но все равно кажется, что вода в них чуть болотом отдает. Нет в них того размаха, бескрайней души.

– Красиво, наверное. На Камчатке мне как-то не довелось побывать... Только фотографии видел, да по телевизору в свое время.

– Потрясающий край. А насчет машины могу совет дать. Хороший, но, разумеется, не бесплатный.

– А без него мне никак?

– Ну почему же... Походишь по рынку деньков пару, выходных заодно подождешь, когда народа поболее. Может, и купишь что-то. С недельку ключами под покупкой своей погредишь, по автомагазинам за запчастями побегаешь...

– Хватит, хватит, – я уже в голос смеялся, – давай свой совет. Все, уже испугался, проникся и осознал.

Таксист тоже ухмылялся, демонстрируя окружающему миру поблескивавшую стальную фиксу.

– Авторынок сам по себе не слишком большой, тем более немного на нем «УАЗов». Машина не современная. Но! Есть там один человек. Знает все и про всех. Подскажет, какую машину брать ни в коем случае не стоит, когда и к кому лучше подойти. Часто помнит, какие приметные машины не продались накануне и где искать владельца. В общем, такое вот справочное бюро для знающих людей.

– И тоже бесплатно не работает?

– Само собой. Но сэкономить можно гораздо больше. Машина быстро и в хорошем состоянии дорогого стоит. Сам понимаешь – покупать барахло и вкладывать в него деньги...

– Это точно.

Пока «водила» расписывал мне все преимущества, которые я получу от общения с его знакомым, мы уже успели доехать до нужного места, город все же небольшой. Или мне уже после Питера и Москвы так кажется? Припарковавшись неподалеку от входа на рынок, мой гид махнул рукой в сторону авторядов, видневшихся за высоким сетчатым забором:

– Там всегда тусуется, рядом с воротами. Да вон же он, в зеленой куртке.

Возле небольшого киоска, торгующего автозапчастями, и вправду стоял невысокий паренек, одетый в неброскую зеленую ветровку. Разговаривал о чем-то с бомжеватого вида плюгавеньким мужичком. Подождав, пока собеседник нужного нам человека исчезнет, таксист направился к киоску. Вернулся он, после непродолжительного общения, вместе с

приятелем.

– Витек говорит, что вам «уазик» нужен в хорошем состоянии? – парень, представившийся Дмитрием, разговаривал, как-то смешно растягивая слова, но определить происхождение его говора я так и не смог, как ни старался. Немного окающий, как у вологодских, но все же не то.

– В точку. Можно не новый и за особыми удобствами я не гонюсь. Но машине предстоит немало побегать по сельским грунтовкам, а то и бездорожью, так что брать барахло смысла нет. Где я его чинить буду, если развалится посреди дороги? ЗИП, само собой, в машине будет, но багажник тоже не безразмерный. Да и своего барахла хватает. Так что, сам понимаешь...

– Тогда сегодня на рынок можете не ходить. Там сейчас только два «УАЗа», но оба «убиты» в хлам, хоть и «марафет» на них сверху навели. Пару месяцев уже не могут на них лохов отыскать. С виду картинка, а не машина, но уехать на ней дальше городской черты будет настоящим везением. А «буханка» грузопассажирская подойдет? Дедок тут один продает, тяжело ему уже с ней, да и на рыбалку больше не ездит. Тачка хорошая, он за ней лучше смотрел, чем за собой. Но цену не скидывает, оттого пока и не продал.

– Пойдет. Сколько он за нее хочет?

– Триста. Но она стоит каждую копейку из них. Можешь накинуть червонец и оформление в комплекте... Где, кому и чего – я сам отдам.

– Договорились.

Не откладывая надолго, поехали к владельцу разрекламированного авто. Дед и вправду оказался уже старым, на вид явно больше семидесяти. Машина тоже оказалась не «молода», но практически в идеальном состоянии. Еще раз убедился, что изделия советского автопрома, при должном уходе и аккуратном обращении, могут служить чуть ли не вечно.

Рядиться не стал, «УАЗ» действительно стоил названной цены. Хотя, наверное, поторговавшись с понимающим покупателем, владелец мог выручить даже больше. Но дед оказался старой закалки и торговаться явно не любил. Да и не умел. К утру Дмитрий обещал уладить все формальности с «гаишниками», я же решил заняться, как теперь модно говорить, шопингом. Прибарахлиться не мешало. Тем более что так и планировал изначально.

А телефончиками мы с Виктором обменялись-таки. Правда, он мне был нужен больше, чем я ему, пусть и не знал пока об этом. Так что первая фамилия в блокнотике под рубрикой «Нужные люди» появилась. Заносить еще несколько самых вероятных кандидатов в первопроходцы и первопоселенцы нужды не было. Это люди близкие, чьи координаты я знаю наизусть.

Побежав по охотничьим и туристским магазинам и переночевав в небольшой и ужасно неуютной, но недешевой гостинице, уже часам к десяти стал полноправным владельцем раскрашенной в летний камуфляж «буханки». Дмитрий

встретил меня возле авторынка, как и уговаривались. Произведя окончательный расчет, я заскочил в гостиницу, расплатился там, стащил вещи в машину и неспешно покатил по раздолбанному асфальту к мосту через Бию, в сторону Заречья. А еще спустя полчаса вырвался из города на знаменитый Чуйский тракт и покатил уже по нему.

До Горно-Алтайска оставалась какая-то сотня километров по трассе, проложенной вдоль живописнейшей бурной Катунь. Там, на въезде, меня должен был ожидать Егор. Со звонились еще с вечера. Тем более что лицензию на охоту и нахождение в парке должен был оформить именно он, я только продиктовал свои данные. Леснику предстояло поработать гидом-проводником, да и пропуском на территорию природного парка заодно. Для того, чтобы добраться до нужного участка, закрепленного за Егором, необходимо было проехать через кордон «соседа». Нужно только обязательно познакомиться с тамошним лесником и аккуратненько его «подмазать».

Обсудив накануне этот момент с Егором, решил привезти патронов к «ижаку». Благо, при наличии разрешения на оружие, мог приобрести боеприпасы совершенно легально в том же Бийске.

Лесник ожидал меня у некоего куполообразного разноцветного объекта – памятного знака на въезде в республику Горный Алтай. Место приметное и проехать мимо, не заметив этого изыска архитектуры, просто невозможно. Бе-

лая, немного забрызганная грязью «Нива», одиноко стояла на обочине расширения дороги. По всей видимости, оно означало парковку для поклонников монументальной архитектуры. Впрочем, присмотревшись, я понял: был несколько несправедлив. Знак напоминал своими формами юрту и вблизи казался довольно ажурным. Заинтересовала только «роза ветров» сверху. Что именно этим хотел сказать архитектор, было решительно непонятно.

Егор оказался именно таким, каким его описывал Виктор Викентьевич: невысоким темноволосым мужичком в теле, лет пятидесяти, с вполне уже наметившимся животиком и едва заметной раскосиной глаз. Хотя, может, у него конституция такая? Нормально познакомившись, телефонные разговоры за знакомство я не считаю, двумя машинами отправились дальше. Проехать нужно было около двухсот километров все по тому же Чуйскому тракту, до райцентра Онгудай. А там уже начинались грейдеры и проселки, уходящие дальше в не слишком высокие местные горы.

Купленные в Бийске радики помогли скоротать дорогу разговором, а интересовало меня всё. Ведь именно Егор был, так сказать, первооткрывателем «проема». Я эту историю слышал только в пересказе Третьякова, а хотелось больше подробностей из первых рук. Хотя ничего принципиально нового о том, что происходит по ту сторону, я так и не узнал. А вот о неприятных ощущениях от перехода слышал впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.